

— Комиш! як комиш? та ним же губи і язик порізати можна!

— Тю, дурна! Та хто ж таки так його старий комиш їсти стане? його і худоба не їсте.

— А як же?

— Та так. Наберуть ще молоденького комишу, що тільки що лист пустив, накришать його дрібненько в казанок, зварять, підсиплять пшона та підправлять салом, посолять, — то такий тобі борщ вийде, що з голодухи лучшого й не треба.

— Хіба тільки, що з голодухи...

— А то ж, з голодухи, а ти думавш з жиру? Вона, ця голодуха, як прикруте, то і підшву гризтимеш. От ми тут, бач, вареники їмо, та горілочкою забавляємось. А там на кордонах тепер саме жарка доба: Кубань стає, то так і дивись, що черкесня посує через неї. Броду не шукати, скрізь по льоду перемахнеш. Тут уже уха не вишай, стережись і день, і ніч. Ні мороз, ніяка завирюха не спине. І чим гірша погода, тим більше берегись треба. Що нещасні пластуни пережерпять за цієї доби в плавнях — і перемерзнуть і виголодаються так, що мабуть і комишиний борщ медом покажуться. Гидко те, що і вогню розвести не можна, щоб біди не накликати на себе. Що нам? нам все таки хоч який небудь захист є на постах, на кордонах, а от їм в таку хурделицю нишпорити по плавнях, та оглядатися кругом себе, щоб не наткнутися на якого небудь розбийника! Та якщо прийдеться прикурнути як небудь, то хіба тільки одним оком. Нещасний, прямо нещасний народ. А все для чого? Щоб нам жить без опаски; за нас, за для оціх всіх страждуть ці справді святі люди. Ех! випьемо, куме, за їх; хай їм Бог допоможе, хай підкрепить їх сили й пригріє їх. Ну-мо зараз! Отак... А все охота. От як не страшно було все, що пройшло, а як згадаєш то й жалко його. Здається, як би сила, то вляпав би полетів туди. А то треклята рана в нозі все мурудить. Н-ні... Та як заболить іноді, то прямо криком кричи. Ну, та вже-ж вона колись загоїться, може до того й моя черга дійде, то і вляпав на коня — та й гайда! А вже-ж і погуляю с товариством! А ну, куме, придави ти ще отого злидня, чи не виданиш з його ще хоч по одній чарці, бо вареники скучають уже.

— Та тут його ще доста, хвiate ще не цілу миску вареників.

— Що ж ти вже забув про своїх кушівців, перебила Одарка, которой не поіравилася наек кума на свой от'езд на кордон.

— Що ж, виїхали вони в об'їзд, чи, мабуть, так і спать полягали?

— Ні, не забув. Спать то вони полягали й добре виспались, а чуть світ на зорі, посідали на коней, перехрестились і тихенько зникли в плавнях. Та ти, куме, мабуть добре знаєш плавні, про них тобі нічого розказувати.

— Та знаю, будь вони неладні! Хто їх з наших не зна?

Ну, так бач, там трапляються іноді прогалині, де й комиш не росте; так вони острівками й роскидані по плавнях; хоч і мало їх, рідко коли попадаються, а все таки, як попадеться який, то передихнути на йому можна добре і людям, і коням. Часто на їх і конані невеличкі є, можна й коней напоїть, та й людям освіжитись трохи можна. Хто їх повикопував? — Господь знає. Може й наші, а може й черкеси. От під вечір, як сонечко сідало вже, одну з таких прогалин надітали й наші кушівці та й вирішили там переночувати, бо за видна до дому добратись вже не можна було, а плутатись по плавні нічю не приходиться — толку мало, а худобу замориш та ще в яку небудь і колдобину попадеш, хоч би в таку копань, наприклад.

— От що, каже Лаштабега, вже пізно, давайте тут і заночуємо, а завтра, чим світ, прямо до дому. В плавнях здається нічого і нікого нема, ні одного сліду не знайшли. Тільки раніше треба округи об'їхати, а то якщо не черкеси, то може і кабани вночі нами посядуть. От що, хлопці, зостаньтесь ви тут, та хай і Терешко тут залишиться. Він же галушки нахвалюєся нарити. Поки ми об'їдемо, то ти, хлопче, подбай про вечерю. З пік злаштуй треніг, тільки гляди поширше їх ростав... Ну, та ти сам знаєш як це діло злаштувати. Тільки багато полум'я не розволь, щоб не дуже палало, а то який небудь лихий чорт надіба на нас. Ну, рушаймо.

Поки одихнули, та злаштувалися виїхати, вже й смеркатись почало. Рушили. Від'їхали кроків з сотню від становища, а урядник і каже: Ну, тепер, хлопці, розділімося: ви, троє, звертайте направо; так пройдете кроків з сотню, або дві, то вляпав зверніть направо, потім стільки ж пройдете, а там вляпав направо, то тоді вже держіться прямо, поки нас не зустрінете, а ми поїдемо вліво і все вертатимемо наліво, до зустрічі з вами. Тільки, як останній поворот зробите, то давайте який небудь знак, щоб нам не розминуться.

— Та я, каже один з тієї партії, крикату жабую!

— Ну, а я, каже один з другої партії, по кабанячі хрюкату.

Це, бач, треба було так домовитись, бо як ти знаєш, в плавнях такий комиш росте, що не тільки з конем схованься, а й кінця піки не видно буде. Розділились та й поїхали потихеньку, прислухаючись до вєбого. Поки їздили, то стемніло так, що й конячого вуха не побачиш; місяця на небі ще не було, тільки зірки десь високо миготіли, та й тих побачиш тільки, як голову задереш. Ідеш, як в ямі якій. Одначе, все таки з'їхались обидві партії.

— Мабуть кабан хрюкав добре, додав кум.

— Мабуть що так, та мабуть і жаба не отставала. Ну, як з'їхались, то всі вже поїхали вмісті по старому сліду до становища.

(Продолжение следует).

Санжа Балыков.

## Восточные соседи Казачества.

### Киргиз-казаки.

#### в) Население, быт, занятия.

Количество населения Казакстана по переписи 1920 г. исчисляется в 5.097.000 душ, из которых 3.000.000 киргиз-казаков. Это по Соколову и Уварову, а по данным академии наук, т. е. по переписи 1927 года киргиз-казаков около 4.000.000 душ, без горных киргизов, которых — 650.000.

Киргиз-Казаки народ турского племени. При чем, несмотря на магометанскую религию (суниты) и турское наречие, в их языке встречается не мало монгольских слов, преимущественно существительных. Внешний облик киргиз-казака, с его скуластым смуглым лицом, жесткими черными волосами, тупым носом и узковатыми глазами и множество обрядовых моментов, схожих с таковыми у монгольских племен, и одинаковость не-

когорых обычаев в быту, говорит, что в жилах киргиз-казаков течет и кровь монгольская.

Надо заметить, что киргиз-казаки магометане не-сколькo иного порядка, чем, например, турки. У них нет той строгости в исполнениях требований религии, каковая наблюдается у турок или магометан индусов. Кроме того, у киргиз-казаков в ходу, так же как и у нас, калмыков (до недавних пор), услуги всяких шаманов и вообще элементы поверья и суеверия, которые некоторыми образом видоизменили магометанство. Положение женщин также ничего общего не имеет с положением их у их единоверцев индусов, узбеков или турок, скорее оно более схоже с положением женщин у калмыков, если откинуть наличие уже исчезающего многоженства. Влияние Корана в жизни киргиз-казака также гораздо слабее, чем у других магометан, слабо распространено даже умение его читать. Менее заметно так-



же и влияние мулл в жизни киргиз-казака, чем у турок. Язык киргиз-казаков, хотя и турецкий, как было сказано выше, но с заметным искажением. Распространение грамотности, как духовной, так и светской развито слабо. В последнее время все больше и больше проникает в народ русская грамотность; есть уже и ученые киргиз-казаки. Само собой разумеется, что проникновение русской грамотности и усиление русского влияния вносит и заметные трещины в семейные и социальные основы киргиз-казацкого народа. Впрочем, этот неизбежный процесс в жизни закабаленных народов здесь происходит гораздо позже и движется медленно, благодаря значительной плотности и однородности народной массы, слабо пропускающей в свою среду влияние чуждого русского народа, а также и своему окружному положению, мало удобному для всестороннего воздействия на народ русской ассимиляционной политики, и, наконец, благодаря недалекому соседству единоверного, единоплеменного государства, духовное общение с которым не прекращается.

В быту и обычаях киргиз-казаков много оригинальных особенностей, но подробное изложение их не входит в задачи настоящего очерка. Предания и обыкновения старины заменяют здесь писанные законы; по ним урегулируется весь семейный и общественный строй жизни и этим обычаями старины подчиняются все слои народа. Патриархальность, религиозность по своему, крепость родовой связи и священное гостеприимство — вот главные, моральные устои народа. Сильно развито почитание старших. Одним из вредных явлений в общественной жизни народа надо считать ранние браки. Здесь нередко можно встретить 12—13-летнего мужа, женатого на девице 16—18 лет. И религия и народные традиции разрешают киргиз-казaku иметь много жен. Обычно, состоятельные киргиз-казаки имеют 3—4 жен, взятых одновременно, в разные периоды своей жизни. Все исследователи отмечают наличие влады между женами, чему будто бы немало способствует взаимное облегчение тяжестей хозяйственных работ и забот, которые, кстати сказать, лежат почти всецело на плечах жен. Впрочем, роскошь многоженства могут позволить себе только зажиточные киргиз-казаки, так как каждая женитьба сопряжена со значительными издержками — уплатой калыма, иногда доходящими до значительных размеров; помимо немалых расходов по свадьбе, богатой угощениями.

Значение женщины в доме киргиз-казака велико, почему о закабаленности, как у других мусульман, не может быть и речи. Она тклет, прялет, варит, воспитывает детей, вялет кошмы, доит и пр., и пр., одним словом, весь дом и хозяйство — на женах. Только наблюдение за табунами и стадами в поле лежит на мужчинах. Поэтому женщины не закрывают лиц и вообще чужды затворничеству.

Обычаев умиления невест, как например бывало у калмыков, здесь, видимо, нет. Нет также в обычаях киргиз-казаков законов кровавой мести, какковые встречаются в жизни кавказских народов. Зато существует обычай „баранты“ — угон у обидчика, смотря по степени обиды, всего или части скота. Обычай этот сопровождается зачастую и злоупотреблениями; впрочем, общество всегда в таких случаях вмешивается и размер обиды и баранты устанавливается судом старых, избираемых от тяжущихся сторон.

Киргиз-казаки очень общительны, словоохотливы. В свободное летнее, весеннее или осеннее время они часто ездят друг к другу в гости, целые дни проводят в питье кумыса, чая и в еде любимой баранины. Встретиться на дороге с проезжающим и пристроиться провозить его за десятки верст киргиз-казaku ничего не стоит. Приезд гостей всегда сопровождается обильным питьем кумыса и резней баранов. Принимая во внимание трезвость киргиз-казаков. Продажа вин и водок не распространена, что в жизни других народов Сибири и Азии является национальным бичом; выделка из кумыса „раки“, как у калмыков, здесь, видимо, не практикуется. Едят „биш-бармак“, кажется мучное блюдо, и повсеместно пьют „кюке чай“, т. е. зеленый чай. Делают кумыс также и из коровьего молока и называется он

„арьян“; в сравнении с кумысом из кобыльего молока он грубее и менее питательный. Делают киргизы всякие свои сыры и бьют масло. Употребление овощей еще мало распространено, хотя лук едят везде.

Любимыми развлечениями киргиз-казака, как и всякого степняка, служат скачки, борьба и соколиная охота. Скачка (байга) в жизни киргизказацких аулов — большое событие; задолго она становится известной на сотни верст вокруг и везде начинают к ней готовиться, всюду идут разговоры о фаворитах и съезжаются на самую скачку из самых далеких уголков края, кто только может. Победитель на киргиз-казацкой байге получает иногда косяк коров, стаю коров и овец и призы даются не только первым трем, но и дальше, все уменьшаясь в цене, и кончается куском кумача. Любопытно указать, что и у киргиз-казаков практикуется обычай подмоги, каковой существовал до последних годов и у калмыков. Это — когда скачущую лошадь окружают родственники всадника или владельца скакуна на свежих конях и с громким криком берут за торчачины и тащат вперед, воображая, что этим сильно помогают победителю. Только у калмыков за это ничего не дают, а у киргиз-казаков за эту „помощь“ победитель должен поделиться призом.

Обыкновенно во время скачек, пока не вернутся лошади пущенные по прямой линии на десятки верст, устраиваются другие номера. Главным образом происходит борьба, выступают певцы, юмористы, сказочники и на незамысловатых инструментах музыканты. По рассказам путешественников, иные киргиз-казацкие песни до того хороши, содержательны и мелодичны, что многие слушатели плачут. Карути рассказывает, как в одном ауле, в тихую, лунную летнюю ночь, его проводник некто Нургуджа Атабеков своей песней под аккомпанимент балалайки заставил рыдать всю семью. Довольно распространены среди киргиз-казаков и другие виды устного творчества, всякие легенды, богатые поэмы. Поэма „Манас“ самое увлекательное и популярное творение широко распространено в народе. Видимо она — вроде нашего, калмыцкого Джангара.

Есть еще один вид спортивного состязания: десятки мужчин разных родов садятся на коней, им дают свежезарезанного козла и начинается отымание этой туши друг у друга. Этот вид спорта требует крепости посадки, силы рук, ловкости и быстроты коней. К концу состязания козел, конечно, превращается в куски почернелого мяса, но само состязание вызывает большое соревнование между состязавшимися родами.

По социальному составу киргиз-казацкий народ до недавна еще делился на аристократию — потомков прежних ханов и владельцев и простой народ, а с уменьшением ханских потомков появились так называемые „мананы“; это богачи, которые, видимо, не имеют аристократического происхождения, но в силу имущественного положения сделались влиятельными и теперь уже „манапство“ наследственно. Мананы эти очень богаты, содержат свой штат наездников, которые несут роль охранников, объезчиков и состоят преимущественно из одноплеменников самого манапа и за свою службу, кроме еды и одежды, ничего не получают. Кроме того вокруг манапа живут, доставая от него за свою работу кров и пищу, много бедноты. В данное время советизация края, вероятно принесла этим манапам разрушение их социального и имущественного положения.

В связи с возникновением базарных центров появился было среди киргиз-казаков и торговый класс, который ко времени революции был еще в зачаточном состоянии.

Указывая на причину обеднения коренного населения Казахстана, чтобы не быть голословным, сошлюсь на Семенова-Тянь-Шаньского: „Покорив край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершилось исключительно с целью обогащения. Первые завоеватели были грубые нежесткие люди с первобытной нравственностью и сомнительным прошлым; они не приложили усилий разумно пользоваться богатыми дарами природы и кормиться собственным трудом, а напротив выбрали другой, более легкий способ наживы — грабеж покорен-



ного народа и расхищение природных богатств". К этому авторитетному показанию остается добавить то, что все эти незаконные захваты русскими переселенцами, потянувшимися в обильный и просторный край, лучших, обработанных киргиз-казацких земель, а зачастую и скота и жилища, неизменно узаконялись, защищались представителями русской власти, независимо от инстан-

ции. Кроме этого, проникновение русской "культуры" принесло разрушение национальных бытовых устоев, распространение всяких, дотоле неизвестных, болезней. Тем не менее, по свидетельству всех исследователей, киргиз-казацкий народ крепок здоровьем.

(Продолжение следует).

Д. Воротынский.

## Р. П. Кумов.

Роман Петрович Кумов родился в станице Усть-Медведицкой, Донской области и в этой богатой окрестной станице протекли его детские годы.

Отец его Петр Казьмич был много лет председателем Съезда Мирowych еудей. Он рано овдовел, потом женился второй раз. Мачеха очень любила своих двух пасынков Романа и Всеволода.

Большой дом Кумовых стоял около Воскресенской церкви, и так как Петр Казьмич был человеком весьма религиозным, и не пропускал ни одной праздничной службы, то и мальчик Роман унаследовал от отца поклонение Богу.

В то время в Усть-Медведицкой станице старейшим считалось духовное училище и совершенно новой и молодой школой было реальное училище, кажется, в составе двух или трех классов.

Петр Казьмич отдал старшего сына Романа в духовное училище. Роман Кумов был в четвертом классе, когда я поступил в первый класс. Передо мной и ныне стоит бледное, какое-то необыкновенно лучезарное лицо мальчика Кумова, всегда с иголочки одетого, гладко причесанного, чуть-чуть улыбающегося, если его дерзнет тронуть какой-нибудь первоклассник.

В уютной, с иконостасом из дуба, церкви духовного училища Кумов стоял за свечным ящиком, и я помню, с каким благоговением подходил он к ликам святых, и прежде чем поставить в подсвечник белую восковую свечку, он осенял себя большим крестом, низко кланялся и только тогда возжигал жертву перед Угодниками...

Когда я поступил в Донскую духовную семинарию, то снова увидел Кумова за свечным ящиком. Также святость осталась на его бледном, с горящими глазами, лице и этот юноша с длинными русыми, гладко причесанными на правую сторону волосами, невольно останавливал на себе внимание молодых семинаристов. Еще тогда говорили, что Кумов пойдет в духовную академию, примет монашество и будет архиереем. Но в душе молодого богослова была своя жизнь и он не пошел по духовной дороге. Окончив духовную семинарию одним из первых, Роман Петрович поступил в Московский университет на юридический факультет, по окончании которого зачислился в сословие присяжных поверенных.

Но в Москве Р. П. оставался недолго, его потянуло в Петербург. Будучи человеком материально хорошо обеспеченным, он остался жить в Петербурге и занимался исключительно литературным трудом. Там вышла его первая книга рассказов „Безсмертники“, имевшая известный успех.

Я никогда не был знаком с Р. П. и до сей поры не знаю о его дальнейших литературных дебютах, но знаю, что своим особенным талантом он сразу возвысился и его заметил весь литературный Петербург.

Будучи студентом, я много слышал о даровании Кумова, но познакомиться с его произведениями мне

пришлось очень поздно, когда за ним было уже имя.

В журнале Горького „Летопись“ я прочитал чуть ли не впервые превосходный рассказ Кумова „Наташа с Перекопских гор“, и тогда же узнал, что Горький высоко ценил талант Р. П.

Кумов не был певцом Кавказчества, он не знал быта казаков так, как его знал Ф. Д. Крюков. Слог у Кумова блещет такой нежностью, что, кажется, в уста его героев нельзя вложить ту самобытность и яркость казачьего говора, каковыми щеголял знаток быта казаков Федор Крюков. И герои у Кумова кажутся такими же религиозными и чистыми, каким был и он сам. Не помню, кто назвал дарование Кумова „тихим“, и вот эта, именно, тишина и присуща богобоязненному Роману Петровичу. Тишина леса, тишина реки в вечерний сумрак, тишина над полями в звездные ночи умиляли Р. П. Он поклонялся тишине, вызывая из нея своих героев...

Насколько силен был талант Кумова, о сем свидетельствует его драма „Последний род Коростомысловых“, получившая на литературном конкурсе имени А. Н. Островского в Петербурге в 1916 г. первую премию. Я видел эту драму в Москве у Незлобина, уже в революционный 1917 год, где она шла с громадным успехом, но попала она на сцену в неудачное время и москвичам тогда уже было не до зрелищ. Коробил и не меня, конечно, одного состав зрителей того революционного периода. Особым шиком считалось в общественных местах появляться солдатам в растегнутой гимнастерке, без пояса, в фуражке, без обмоток и обязательно с подсолнухами и вот этой необузданной публики на драме Кумова было много-много, и в трагических местах пьесы эта масса позволяла себе волю рыготать и отпускать по адресу первоклассных актеров театра Незлобина свои реплики. Разумеется, не было настроения смотреть сосредоточенно на сцену и трудно было проникнуться глубиной замечательной драмы „Последний род Коростомысловых“. Я был на втором представлении премьеры, требовали „автора“, но Кумов тогда был уже, вероятно, на Тихом Дону.

После мне никогда не приходилось слышать о драме Кумова и я не знаю, шла-ли она когда-нибудь в казачьих краях...

В годы „гражданской“ войны Р. П. жил в Новочеркасске и воспевал синие воды любимого им Дона на страницах журнала „Донская Волна“.

Но не долго пришлось служить Кавказчеству в страстное лихолетье: слабый здоровьем, расстроенный ужасами войны с красными полчищами Роман Петрович слег и навеки умолк его большой талант.

Так безвременно уходили из среды Кавказчества его лучшие сыны.

Париж, 25-I-31 г.

**Московские оккупанты рассказывают Казачьи Земли в ударном порядке. — Кавказество должно бороться за свое освобождение больше, чем в ударном порядке.**